

Алексей Ратманский:

«Я счастлив приглашению в Большой театр»

Большой театр. — 1998. — 15 янв. — 9.7

7 января среди общепризнанных шедевров мирового балетного театра — «Видения розы» Михаила Фокина и «Моцартианы» Джорджа Баланчина — зрители впервые увидели спектакль Алексея Ратманского «Сны о Японии». Это уже его вторая постановка в Большом театре в нынешнем сезоне. Первая, балет на музыку И. Стравинского «Каприччио», вошла в программу недавних «Новогодних премьер». Мало кто из хореографов, как Алексей, в 29 лет дебютировал на сцене Большого театра.

— Я родился в Петербурге. Учился в МАХУ у П. А. Пестова. Танцевал 6 лет в Киевском театре оперы и балета, затем 3 года в Канаде — в Королевском Виннипегском балете, потом снова в Киеве и с начала этого сезона — в Датском Королевском балете в Копенгагене.

Учился в ГИТИСе на балетмейстерском факультете у Дмитрия Брянцева. Мои первые постановки были созданы в Канаде, хотя пробовал сочинять еще в училище. Потом ставил для себя и жены хореографические номера, которые мы часто исполняли в концертах. Первую программу удалось сделать в Киеве. Это был «Поцелуй феи» И. Стравинского и миниатюры. После этого Нина Ананишвили, которая увидела мои работы, заказала большой балет — «Прелести маньеризма». В Большом театре я сделал балет «Каприччио». У нас было очень мало времени, но ребята работали замечательно...

Так, выглядит биография Алексея Ратманского в его собственном пересказе. К этому необходимо добавить еще несколько фактов. За несколько театральных сезонов в Киеве он исполнил главные партии фактически во всех классических балетах, стал заслуженным артистом Украины. В 1992 году его выступление на Первом Независимом международном балетном конкурсе имени С. Дягилева в Москве стало сенсацией, танцовщик был награжден премией имени В. Нижинского. Уехав в Канаду, перетанцевал там множество спектаклей, давно ставших мировой классикой XX века. После возвращения в Киев А. Ратманский часто выступал в Москве с собственными концертными номерами и влюбил в себя большинство столичных балетоманов. Его «Прелести маньеризма» претендуют на национальную театральную премию «Золотая маска» как лучший балетный спектакль сезона.

Нам удалось поговорить с А. Ратманским, когда работа над балетом «Сны о Японии» была еще в разгаре. Но его уже ждал Копенгаген, и надежды на повторную встречу не оставалось.

— Алексей, как возникла идея постановки вашего нового спектакля?

— «Сны о Японии» — это, как и «Прелести маньеризма», заказ Нины Ананишвили. Но в данном случае у меня было меньше свободы: была предложена музыка, были определены исполнители. Сюжетная основа тоже была готова — четыре темы из знаменитых пьес театра Кабуки. Хотя, конечно, опираясь на них, я делаю нечто свое — имитировать японский театр было бы глупо. Это именно фантазии на японские темы, как если бы я листал книгу о японском театре, потом услышал и увидел сны, где все это смешалось в голове с совсем иными образами.

— Судя по «Каприччио», вы испытываете пристрастие к хореографам начала века — Нижинской, моллоду Баланчину, Аштону.

— Дягилевский «Русский балет» — мое большое увлечение. И, безусловно, Баланчин. Мне очень понравилось определение, которое я недавно прочел в статье П. Гершензона: «Баланчин есть фундаментальный язык XX века». Он для современного балета то же, что Петипа — для балета XIX века.

Что касается «Снов о Японии», я не знаю, какие в них найдут параллели, но мне кажется, что здесь больше моей собственной пластики. Формально — я использовал принцип фронтального построения, который взял из японского театра. Вот это, наверное, будет видно. И, конечно, я использую классическую школу. Это тот язык, который является для меня основой.

— Каких балетмейстеров вы предпочитаете как танцовщик, как зритель?

— В сентябре я приехал в Копенгаген, и за полгода у меня была там потрясающая возможность работать с Ноймайером, Килианом, Бежаром, Флинт — лично. Все они очень разные, и для меня это огромная школа. Мне страшно нравится Форсайт, который, по слухам, скоро тоже должен приехать в Датский балет. И Матс Эк.

Конечно, таких имен очень много. Для меня как для исполнителя всегда самое интересное — овладеть разными стилями, почерками. Ведь спектакли разных хореографов нельзя исполнять одинаково. Это все равно что драматические артисты будут совершенно одинаково играть Шекспира, Чехова и О'Нила. Но в балете об этом почему-то редко задумываются.

— Понимаю, задавать вопрос о том, насколько вам интересно в Копенгагене, смешно...

— Мне очень интересно. До того я танцевал на американском континенте. Там совсем другой стиль работы. Очень тяжело работать, страшно тяжело. Но, с другой стороны, меня это закалило. Я теперь могу работать по 12 часов в сутки, чем всех удивляю. Люди часто не задумываются над тем, что балету нужно отдавать больше времени и сил, чем обычной работе. Мы ведь занимаемся искусством. Ноймайер, который только что ставил у нас Пятую симфонию Малера, все время повторял: «У нас не работа, у нас искусство».

— Вам не тяжело было настроиться на такой стиль работы наших танцовщиков? Как они воспринимают вашу хореографию?

— Все люди очень разные. Я страшно доволен, когда встречаю человека, который хочет воспринять что-то новое, попробовать себя в чем-то непривычном. Но, конечно, это не всегда получается, иногда приходится основными силами тратить на то, чтобы просто расшевелить человека, вместо того чтобы вместе искать в это время какие-то нюансы, краски.

— В первую очередь вы исходите из своего видения спектакля или из возможностей исполнителей?

— Может, это не совсем правильно, но я отталкиваюсь в первую очередь от своей идеи. Чтобы ориентироваться на исполнителя, надо идеально знать его возможности. Конечно, когда я ставлю для своей жены, я исхожу из ее индивидуальности, но когда работаю с артистом первый раз, второй, это очень сложно.

— Удобно ли спланирован процесс подготовки «Снов»?

— В отличие от «Каприччио», которое было фактически внеплановой работой театра, сейчас все очень удобно. Но, к сожалению, я должен уехать и вернуться только на премьеру спектакля. У меня всегда так получается — аврал и очень мало времени на репетиции. Чтобы многое успеть, приходится приспосабливаться к такому ритму жизни. Но я счастлив приглашению поставить балет в Большом театре.

Беседовала Анна Галайда.